

ЕЛЕНА УСАЧЕВА
ДЕТИ СТРАХА
И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ

БОЛЬШАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Елена Усачёва
Дети страха и другие
ужасные истории
Серия «Большая страшная книга»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/61073413>

Дети страха и другие ужасные истории / Е. Усачёва: АСТ; Москва;

2020

ISBN 978-5-17-116652-6

Аннотация

Елена Усачёва – известный писатель, автор более сорока книг для детей и подростков, лауреат литературной премии имени С. Михалкова. В эту мистическую книгу включены три повести о детях, которые неожиданно столкнулись с потусторонней реальностью, – «Дети страха», «Любовное письмо с того света» и «Шкатулка с неприятностями». Жил себе ребенок, как все, в школу ходил, на родителей обижался, и вдруг – хлоп! – и вокруг него начинают происходить чудеса. Но какие-то неприятные: нечисть всякая пристаёт, требует внимания и даже любви. Вот как трудно живется современным продвинутым детям! Для среднего школьного возраста.

Содержание

Дети страха	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Елена Александровна
Усачёва**

**Дети страха и другие
ужасные истории**

Повести

© Усачёва Е.А., 2020

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дети страха

Глава 1

Анжела-вампиры, дед с красным лицом и другие знакомые

Вечер прошел в унылом сидении на площадке. Физрук Титомирыч как всегда врубил свой любимый диск с музыкой «кому за 50». Под нее прыгали только малыши. Первый отряд с вожатыми ушел за территорию лагеря на костер. А второй сидел на лавочках вдоль площадки и протухал. Пацаны по одному утекали через кусты за клуб и дальше теми же кустам по своим интересам. Возвращаться в палаты было запрещено категорически – старший вожатый шнырял по корпусам с проверкой. На площадку вышел начальник лагеря Квадрат. Звали его Сергей Сергеевич. То есть Сергей в квадрате. Невысокий, полный, с добродушной улыбкой, он с таким восторгом смотрел на малышей, так задорно подпри-топывал под вынимающую душу «тунц-тунц», что Нинка закрыла глаза.

– Тоска, – прошептала она. – Сколько?

– Две недели.

На ответ Нинка головы не повернула, продолжая прислу-

шиваться к своему внутреннему голосу, который говорил, что надо валить. И не только с этой площадки подальше от зверских завываний, но и вообще из лагеря. Выйти за ворота, сделать ручкой, сказать всем: «Прощай навек!» и раствориться в сумерках. Две недели. Еще две недели. Как срок. Как приговор. Надо было себя чем-то развлечь.

– А в прошлом году тут ничего было. Мороженое после обеда.

– И на дискотеку местных пускали. Физрук другой был. Пингвина помнишь? С ним вообще все можно было. Пацаны реперов запускали. А Анжелка пела.

Нинка открыла глаза. Говорили сидевшие рядом девчонки, соседки по палате. Имена их Нинка за неделю не запомнила и не собиралась. Им осталось здесь прожить полмесяца, и больше они никогда не встретятся. Зачем ей их имена?

– Идиотское имя Анжела, – уронила в пустоту перед собой Нинка.

– Нормальное, – пискнула красотка с пушистыми светлыми волосами. – И девчонка была хорошая.

– Ты знаешь хотя бы одного приличного человека с таким именем? – Нинка упорно смотрела на прыгающую мелюзгу.

– Анжела – это то же самое, что Энджи, ангел. – Голос красотки дрогнул – она была готова защищать неведомую певунью. Есть такие альтруисты. О людях только хорошее говорят.

Нинка лениво фыркнула. Тунц-тунц сменился медляком.

От невыносимости всего этого стрельнуло между ушей.

– Знала я одну Анжелику, – словно через силу произнесла Нинка. – Красивая была. Такая же, как ты, – кивнула она на блондинку, и у той из глаз тут же улетучилась готовность спорить за прошлогодних ангелов. – Чего там она – пела или плясала, – не помню. Но была вся такая... – Нинка поморщилась, словно у нее враз заболело горло. Собеседницы потянулись к ней, опасаясь, что на этом рассказ кончится. – Пушистая. Любила... – Нинка покосилась направо-налево... – кольца. У нее один такой был крупный перстень, с камнем большим. Она когда их несколько нацепляла, то перстни, ударяясь друг о друга, клацали – «клак, клак». Говорит и так рукой поигрывает – «клак, клак».

Нинка шевельнула пальцами, прислушалась. «Ты меня любишь!» – обреченно взвыл певец. И следом монументально, словно дома роняли – та-дам, та-дам.

– И с каждым днем колец прибавлялось. У нее этих украшений уже по три штуки на каждом пальце, – продолжила рассказ Нинка. – Однажды я на одном колечке пятнышко заметила. Красное. Откуда? Мы вроде все время в школе. Где тут испачкаться? Она трет пятно, а оно не сходит. Дальше – хуже. На новых кольцах все больше и больше пятен стало появляться. Эта Энжди как в школу приходила, сразу руки под воду совала. Вода с ее пальцев красная текла. И вот однажды сидит она в классе, и вдруг директриса заходит. Энжди всплеснула руками, и во все стороны кровь брызнула.

Так всех и залила. Потом выяснилось, что она вампир. Людей убивала, кольца с них снимала и на себя напяливала. И вот стали ее жертвы воскресать. И от этого на кольцах пятна появились. Последней директриса, вот она и пришла к своей убийце. От этого и кровь пошла.

– Что за бред? – раздалось у Нинки за спиной. Парень какой-то сказал. Голос хрипловатый. Вроде не из второго. Нинка почувствовала, что сидевшие рядом девчонки дернулись на реплику, но сама приморозила взгляд к танцующим малышам.

– Кому и бред, а кто-то колечко трет.

Все на лавке опять дернулись. Сидящая слева девчонка, худая, с короткой стрижкой и большими глупо-оленьими глазами, сунула руки под себя.

– Чего сразу трет? – буркнула с глазами.

– Вот дуры, – зачекинил событие парень за спиной.

– Иди отсюда, – зашикали на него красотка и ее соседка с косой.

– И вообще – так не бывает, – буркнула глазастая.

– Значит, Анжела с песнями и красивая бывает, а Анжела с кольцами и кровью нет? – Нинка не отрывала взгляда от танцующей перед ней пары. – Она уже давно мертвяк была. Я мертвяков за версту чую.

– Как это? – опешила красотка. Было видно, что ее радужно-розовый мир испытывает сильное потрясение.

– А ты что, никогда мертвых в руках не держала?

Наступила пауза. Не из-за вопроса. Музыка удачно смолкла. Малыши завыли и заозирались. Пульт, выдающий музыку, стоял за лавками. Все уставились на него, а получилось, как будто смотрели на разговаривающих девчонок. Красотка занервничала, стала дергать на себе юбку. Но тут из колонок грянуло очередное бумцанье. Малыши завизжали, запрыгали.

– Как это? – голос красотки упал до сипения.

– Ничего сложного! Известно, что тот, кто мертвого в руке подержит, потом любого мертвяка определит.

Нинка медленно повернулась к глазастой. Та уже успела вытащить из-под себя руки, но заметив, что на нее смотрят, опять их туда сунула.

– А чего? – пробормотала она рассеянно.

– С тобой – ничего, – отрезала Нинка.

Замолчали. Сзади сплонули и зашуршали. Нинка опять почувствовала, что девчонки рядом заозирались.

– Кто это был? – спросила с косой.

– Кажется, из первого, – прошептала красотка.

– Они же на костре, – напомнила глазастая.

– Этот... – Красотка споткнулась. – Он у них в изоляторе лежал.

– Ты откуда знаешь? – фыркнула с косой.

Красотка замялась, стала поправлять волосы и одергивать юбку.

– Он сразу в изолятор попал, – за нее ответила с глазами.

– У него аллергия на что-то.

– Вы ходили в первый отряд? – не выпускала подружек из хватки своих вопросов с косой.

Нинка не выдержала и качнула головой, чтобы посмотреть на непонятливую с косой. Им скорее сложно было не попасть в первый отряд, чем попасть в него – все жили в одном корпусе, на одном этаже. Палаты мальчиков налево, палаты девочек направо. У первого отрядный уголок в левой игровой, у второго – в правой. И за этой игровой – комнаты вожатых. Где тут теряться? Все лица примелькались. А этого плевуна, вероятно, нет, раз про него спрашивают.

Девчонки через Нинку стали выяснять, кто и где видел обитателя изолятора, и это уже был перебор. Вместе с душевынимающей песней про три дня на любовь рассуждения о парнях Нинку заставили встать.

– Ты куда? – отреагировала на движение с косой.

Нинка не спеша повернулась и посмотрела на красотку. У нее было точено-кукольное личико, с маленьким аккуратным носиком и узким подбородком. Спала она около окна.

– Например, кошка, – произнесла Нинка. – Я несколько раз держала в руках дохлую кошку. Один раз сарай разбирали. А она застряла в гитаре. Между струн. И сдохла. Пришлось ее оттуда по частям вытаскивать. А другой раз у соседей под забором все лето дохлые кошки находились. А они же воняют.

Красотка неуверенно качнула головой. О том, как пахнут

мертвые, она имела смутные представления. Но было видно, что ей хватило рассказа про кошку в гитаре.

– Но как? – пискнула она. – Она же мертвая.

Нинка пожала плечами.

– Нас постоянно окружают мертвые. А мы и ничего, не дергаемся.

Красотка открывала и закрывала рот. Противник был сражен.

– Но ведь жалко, – еще зачем-то барахталась красотка.

– Тебя, что ли?

Красотку – да, ее было жалко – нижняя губа дрожала, челка ползла на глаза, на щеках наличествовала бледность. С косой погладила ее по руке.

– Зачем? – Нинка подпустила в голос равнодушия. – Она же мертвая. Ей все равно.

Музыка опять сменилась на медляк.

– Убью! – взвизгнули в толпе мелких. Из круговорота танцующих вынырнул пацан, темные волосы стояли дыбом. За ним неслась девчонка с закрученными в тугие спирали кудрявыми волосами. Она не успевала. Пацан очень шустро проскочил мимо взрослых и устремился в темноту корпусов. Девчонка швырнула ему вслед тапку. Тапка повторила маршрут пацана и точно вошла ему между лопаток. Пацан подпрыгнул и прибавил скорость. Через мгновение на дорожке осталась лежать одинокая тапка.

– Пося, ты покойник! – в запале крикнула девчонка. К ней

торопилась вожатая со зверским выражением лица.

Нинка скривила губы. Покойник – это хорошо. Непонятно только – кто.

У тапки нарисовался взрослый пацан. Он пнул ее и ушел в тень. Нинка уже почти отвернулась, когда что-то задело. Деталь. Посмотрела опять. Тапка. Дорожка. Фонарь. За ним – темнота. А перед этим стоял парень. Что-то было. Руки в карманах. Шорты, длинные, до колен. Тощий. Сутулый. Повернулся.

Нинка сглотнула. Что-то было, такое... Вроде как заметное. Потом посмотрит.

Она пошла к корпусу. Что хорошо в лагерях? Рассказываешь историю, а потом забываешь про людей. Потому что никогда с ними не встретишься. Город бесконечный. Пересечения случайны. Это если, конечно, не стараться зачатиться в соцсетях. Но Нинка этого делать не будет.

Квадрат с сутулым старшим вожатым прошли от танцплощадки к столовой. Перед сном всем выдадут поздний ужин – кефир. Обычно с печеньем. Но в этот раз все печенье забрал первый отряд. Случайно. Им велели взять из коробки, а они взяли всю коробку. Кто-то об этом кричал перед дискотекой. Кажется, вожатая малышей. Наедятся теперь старшаки печенья с чаем до отвала.

Нинка свернула к корпусу. Дверь была закрыта. Зато открыты окна. Подтянуться, перекинуть себя через подоконник, миновать батарею, ботинками по покрывалу кровати

красотки и к себе.

Палата была большая – на двенадцать кроватей, по шесть вдоль стены. Нинка упала на третью от двери. Центр. Все как она любит.

– Пося! Стой! Все равно не уйдешь! – все еще пыталась добиться непонятно чего поклонница шустрого Поси.

Ползла вечерняя прохлада. Топот. Шуршание. Что-то ца-рапнуло стену корпуса. Стало жарче, словно закрыли окно.

– Никакой Анжелы не было.

С косой. Поначалу Нинка думала на красотку. Она была въедливей. Но по вопросам специалистом оказалась с косой. Еще и правдоруб.

– Ты все выдумала.

До кефира полчаса. А ведь можно было нормально время провести, глядя в темный потолок.

Помимо всех остальных бед у этого места в первый же день нарисовалась главная БЕДА – отсутствие связи. Это была какая-то дыра мира, вселенская впадина, где телефоны брали с трудом, а инет вообще не ловился. Спасали только стационарные компьютеры в игровой. Но там вечно висели малыши. Без шансов. Поэтому выбор самостоятельных занятий был широк – смотреть направо, смотреть налево и в потолок. Потолок в темной палате – это было самое интересное.

– Тебе что надо? – лениво спросила Нинка.

С косой лежала локтями на подоконнике, торчала башкой

в проеме – мешала проходу свежего воздуха.

– Я вот всего этого боюсь, – прошептала с косой. – А ты так легко рассказываешь.

Понятно, скучает. В этом лагере все скучают.

– В прошлом году никакой Анжелы тоже не было, – решила примириться с действительностью Нинка.

– Была. Только пела плохо. Этих певцов было – тьма. Они даже надоели.

Нинка перевела взгляд на потолок. Пока не появилась с косой, там можно было рассмотреть целый мир. Мелькали тени, переплетался рисунок, рождались истории. Телевизор не нужен.

– Была.

– Пося! Пося! – орали уже хрипло, но все тонуло в шорохе голосов – малышей уводили с площадки, и враги неминуемо встретились в одном строю. Если у Поси нет сковородки отбиваться, то он точно труп.

– Ты чего молчишь? – не выдержала паузы с косой.

– Я же говорю – была.

– Кто?

– Кошка. Она застряла между струн. Давно. Мумией стала.

– Это же противно!

– Так страшно или противно?

– Да ну... – заерзала локтями по подоконнику с косой. – Это же смерть. Разве в нее можно играть?

– Пося! – запоздало крикнули на улице. – Немедленно в строй! Я кому сказала.

Шустрый Пося все-таки сбежал. А звала его вожатая со зверским лицом. Или вторая вожатая. Но у нее тоже лицо вряд ли было добрым. Все-таки дети. С ними быстро дичаешь.

– Я не играю, – еле слышно произнесла Нинка. – Почему про Анджелу с песнями – это нормально, а про кошку – нет? Обыкновенная жизнь. В ней есть и смерть. У меня дед на скотобойне работал. Столько мертвых перевидал. А как уволился, бабка заметила, что по ночам у него лицо красным становится.

– Давление что ли? – С косой стукнула локтем по подоконнику, как будто пыталась отползти по-тихому, но у нее это не получилось.

– Так всегда бывает у мертвяков. Днем еще вроде ничего, на человека похож, а ночью лицо краснеет. Никто не замечал, а потом как увидели, все...

Нинка шевельнулась, кровать под ней взвизгнула пружиной.

– Что все? – В голосе с косой появился испуг. Скажи ей сейчас, что у нее за спиной дед с красным лицом стоит, визжать начнет.

– Исчез. Когда мертвяков открывают, они прячутся. Забираются под землю, в подвал какой-нибудь или специально схрон делают, и ждут. – Здесь можно было сделать паузу

и дожждаться, когда с косою задаст логичный вопрос. Но говорить с ней Нинке уже расхотелось. Скучная она была какая-то, неинтересная. Поэтому не надо вопросов. – Ждут, когда время придет, и они смогут выползти. Их же там много. Как выберутся, так мир и захватят. Хотя – нет, не захватят. Ученые давно доказали, что вампиров не существует. Для существования им понадобилось бы по человеку в день. Каждый укушенный превращается в вампира, и тому тоже надо по человеку. Короче, за полгода человечество бы закончилось. А мы все еще есть. Значит, вампиров нет.

Что-то там у с косою в конструкции щелкнуло, и она сползла с подоконника. Шарниры разболтались, надо подкручивать. В палату сразу ворвался свежий воздух и крик: «Для чего люди двери придумали? Чтобы вы в окна лазили? Быстро к своему отряду!» Затрещали кусты – с косою пошла по прямой. Крик старшего вожатого такой, придает ускорение, близкое к сверхзвуковой. А кусты не жасмин. Как только густо-зеленые ветки обильно зацвели крупными белыми цветами, все в один голос заговорили о жасмине. Но в Нинкиной голове жасмин прочно ассоциировался с югом, на который она не ездила, а у них тут был совсем не юг. Покопавшись в инете – компьютер был у кружковцев, – она с радостью узнала, что облепленные белыми цветами кусты называются чубушник, родственник гортензии. И никакого романтизма. Обман, как и этот лагерь – сплошной чубушник.

На улице шумели: испытание под названием «дискотека»

закончилось. Сейчас откроют дверь в корпус, включают свет.

Зашуршало. Но уже не робко, а уверенно, словно по закону права. Качнулся воздух. Грохнуло.

– Да какого!

Мужской голос. Крякнула кровать.

От неожиданности Нинка села. Парень стоял около кровати красотики и пытался что-то в ней поправить. Услышав за спиной движение, вздрогнул. Выпустил свой угол. Он стукнул, заметно накренив всю конструкцию.

– Черт! Я думал, вожатые. Ты чего здесь?

Он стоял против неуверенного света из окна, поэтому Нинка не могла сказать определенно. Но голос. Та же ленивая интонация, как у аллергика из изолятора. Вот говоривший повернулся в профиль, и Нинка поняла, что ее задело там, на площадке. Чубчик. Она такого и не видела никогда. Волосы у аллергика не падали на лоб, а вздымались вверх, как у героя французского комикса Тинтина. Он еще мастил чем-то. Слишком уж волосы четко стояли вверх.

Нинка смотрела молча. Парень попытался было снова взяться за кровать, но смутился пристального взгляда и бросил.

– Хорошо байки треплешь.

Нинка молчала.

Парень еще мгновение постоял, глянул в окно.

– Ну, я пойду.

Скрипя подошвами кед по линолеуму, он прошел через

палату, выглянул за дверь. В коридорах стояла тишина.

– А у тебя аллергия на что? – очнулась Нинка.

– На солнце, – буркнул парень, уже выходя из палаты. –

Пятнами покрываюсь.

Нинка мысленно перебрала, что у нее лежит в тумбочке.

Вроде ничего ценного. Вспомнила про шоколадный батончик, проверила. На месте.

Пятнами. Интересно.

Ухнула входная дверь, в коридоре загорелся свет. Спокойная жизнь кончилась.

Глава 2

Игра в смерть

Она хотела его убить. На самом деле. Стояла, зажав камень в руке, лицо бледное и сосредоточенное.

– Ты не жилец! – процедила кудрявая.

– Сама ты дура, – спокойно отозвался Пося. Он прижался к стене, ни вправо, ни влево дернуться не мог. А перед ним стояла она, его смерть. С камнем.

– Достал уже.

Она почему-то тянула время, не бросала. Хотя давно уже могла это сделать.

– Сама достала, – лениво упирался Пося.

– Урод!

– Дура!

– Покойник!

– А ты некрасивая!

Это он зря!

Полетел камень. Пося присел. Камень врезался в стену и рассыпался, оказавшись известняком. Крошки застучали по темной голове.

– Еще и кривая, – удовлетворенно произнес Пося.

Он даже не думал убежать. Хотя кудрявая сжала кулаки и как-то совсем нехорошо позеленела лицом.

– А дальше что? – спросила Нинка.

Вошедшие в свои роли герои не сразу отозвались. Несколько мгновений еще буравили друг друга взглядами и только потом подняли головы. Нинка выглядывала со второго этажа. Странно, что эта мелюзга постоянно попадалась ей на пути. Они, конечно, дернулись. Но Нинка не была похожа на взрослую или вожатого, поэтому все остались на своих местах.

– Я его убью и все, – жестко произнесла кудрявая.

– А потом? – не отставала Нинка. – Когда он умрет?

На втором этаже были окна изолятора, здесь же была медчасть. Нинку послали за перекисью и ватой – кто-то из пацанов разбил колени.

– Чего это я умру? – не согласился Пося.

– Он стухнет, – все так же жестко прервала возражения оппонента кудрявая.

– Интересно, – произнесла Нинка. – Погодите.

Медсестры не было, ждать ее Нинке надоело, а тут такое развлечение. К ее удивлению, они дождались. Только Пося уже не стоял, прижатый к стене, а вышел к крыльцу. Ему, видимо, тоже стало любопытно, что с ним станет.

– Давай похороним? – легко предложила Нинка.

Кудрявая с сомнением посмотрела на Посю, словно он был чем-то нехорош для такого обряда.

– А где? – все еще неуверенным голосом спросила она.

– Да за клубом.

– Больно? – побеспокоился о своей судьбе Пося.

– Не должно.

Кудрявая пнула камешек, поковыряла мыском трещину в асфальте. Буркнула:

– Не хочу. Не интересно.

И резко взяла с места. Нинка с Посей проводили ее взглядом.

– Ну и я не хочу, – хохотнул Пося.

– Почему? – опешила Нинка. Затея ей показалась прикольной.

– Потому что я не умер! – крикнул он и понесся следом за кудрявой. – И никогда не умру! – добавил он, на мгновение повернувшись. Чуть не налетел на медсестру, но быстро выровнялся и нырнул в кусты.

– Это что у вас за разговоры такие? – напустилась на Нинку медсестра.

– Мне перекись и вата нужна. У нас один ногу разбил.

– Пускай ко мне идет. А то вы тут будете ноги разбивать, а мне отвечать.

Медсестра, невысокая, бойкая, пожилая женщина, стала подниматься по ступенькам.

– Какой отряд? – спросила она около двери.

– У вас парень несколько дней в изоляторе лежал. – Нинка пропустила вопрос. – Что у него было?

– Из первого? Отравился. Решил доест колбасу, которую ему родители дали в дорогу. А ты тоже из первого?

Нинка кивнула.

Какой неожиданный поворот. Никому бы не хотелось оказаться в изоляторе из-за отравления родительской колбасой. Аллергия лучше.

За кустами раздались голоса, и Нинка от крыльца спряталась за клумбу с высокими глазастыми мальвами.

К корпусу вышел Тинтин. Один. Кто-то его, видимо, отправил сюда, вот он и пришел. Нинка мысленно подняла палец и выстрелила.

Пах!

Он должен был упасть. Красиво. Вскинуть глаза, полные расплескавшегося удивления. И рухнуть. Либо плашмя на спину. Либо сломаться в коленях и обвалиться кулем.

Тинтин мазнул по клумбе взглядом и улыбнулся.

Вы замечали, что у всех мертвых одинаковые улыбки?

Нинка выбралась из своего укрытия. Чего она прячется? Как будто что-то произошло. А ничего ведь не случилось. И не случится. Еще две недели.

Через час выяснилось, что медичка любитель держать людей в изоляторе. Парень с разбитой коленкой ушел и не вернулся. Сказали, утром отпустят. Будут следить, нет ли заражения.

Вопрос с заражением активно обсуждался на пляже.

– Как можно заразиться, если ты всего-навсего коленку поцарапал? – авторитетно возмущалась та, что с большими глазами.

– А если грязь попала? – осторожно возразила красотка.

Она стелила полотенце, старательно оглаживая концы.

Нинка сидела под деревом. На корне. Загорать не хотелось. Купаться тем более. Неширокая река с серо-зеленой тяжелой водой не внушала доверия. Там наверняка водились лягушки и водомерки. Глубина была по пояс. Только ил с тиной ворошить.

– Так землю специально прикладывают к ранам. Она затянуться помогает.

Глазастая сыпала народной мудростью. Нинка фыркнула. И хоть она была далеко, девчонки обернулись. С косою посмотрела в тревоге и потеряла нос.

– Чего? – звонко крикнула красотка. – Чего не так?

– Сепсис развивается за сутки. – Смотреть на них было прикольно, и Нинка стала изучать лица сопалатниц. – Высокая температура, лихорадка, озноб, смерть. Завтра хоронить будем.

Растерянные округлившиеся глаза. Бровки приподняты, тонкие морщинки на лбу. Прищурены и снова морщинки. Губки надуты. А на носу – вон – прыщик.

– Ненормальная, – прошептала глазастая и побежала к воде. У нее был смешной купальник с высокими трусами до пояса и узким лифом. На трусах порхали розовые бабочки. А кольца она сняла. Сразу после дискотеки и сняла. Вот она – сила рассказа.

Красотка смотрела с недоверием. Словно опасалась, что Нинка сейчас накинется на нее и заразит. В глазах читался

вопрос: «Почему ты такая?», но она его не задавала. Нинка прикрыла веки и стала смотреть на реку. Солнце дробилось на волнах, слепило, обещало теплую воду.

– А почему ты не купаешься? – все-таки спросила красотка.

– У меня аллергия на солнце, – соврала Нинка. – Красными пятнами покрываюсь.

– Да? – красотка посмотрела на реку. У купающихся там явно не было никаких проблем с солнцем.

Нинка отвернулась, давая понять, что говорить об этом не будет. Все жаждущие наслаждаться жизнью, пусть это делают без нее. У нее своя жизнь, и они вполне притерлись друг к другу...

Отвернулась и увидела. Пося. Стоял в двух шагах и пристально изучал Нинку. Ей даже как-то икнулось от неожиданности. В душе метнулся крик «Убью!», потому что незачем было пугать добропорядочных граждан такими взглядами. Подумалось, что она в чем-то понимает кудрявую. Какой-то Пося упертый, а умирать не хочет.

– Пося! Ты чего там застрял? – крикнула бдительная вожатая.

Мелкий убежал, оставив Нинке на память взгляд. Такими покойники смотрят с могильных памятников.

Нинка поежилась и, чтобы не расползтись, перекрутила руки на груди. Пацан явно что-то хотел. Может, подзатыльник? Или он со всеми девчонками нарываемся, чтобы они его

потом убивали?

Рядом остановились. Нинка подняла глаза на уровень восьмилетнего пацана, но уперлась взглядом в полосатую футболку. Тинтин.

– Чего сидишь? – лениво спросил он.

– Чего стоишь? – в тон ему ответила Нинка.

– Я тоже не купаюсь, – выдал Тинтин, усаживаясь рядом на землю.

Под деревом как-то разом стало тесно. Еще и с косой не купалась, не радовалась жизни, а сидела на любовно разложенном красоткой полотенце и смотрела на них. Вспомнилось, что на дискотеке ее отдельно интересовало, что это за парень из первого и почему все знают, что он лежал в изоляторе, а она нет. Может, он ей нравится?

Нинка покосилась на соседа. Парень был долговяз, вытянутое лицо с высоким лбом, полные губы, темные брови, еще рыхловатые детские щеки. На реку он смотрел с неожиданным восторгом.

– А ты чего не там? – спросил Тинтин, насмотревшись на купающихся.

– Мне нельзя подходить туда, где есть опасность.

– А чего так? – искренне восхитился Тинтин. И голос у него был звонкий. Прямо сама жизнерадостность в хрустящей обертке. С бантиком.

– А ты не знаешь?

– А должен?

Он быстро учится. Раз услышал – и уже отвечает вопросом на вопрос.

– Так всех заранее предупреждают, – словно нехотя заговорила Нинка. – Я в зоне риска, за мной охотятся. Поэтому находиться рядом нельзя. Я из-за этого одна и хожу.

Тинтин вытянул шею, оглядывая кусты на этой стороне и деревья на высоком противоположном берегу реки.

– Снайперы, что ли?

Нинке резко стало скучно.

– Ну да, я внучка президента.

Тинтин покосился на ее темную футболку, шорты, сланцы, сбитый черный лак на ногтях.

– Да ладно, – усмехнулся он не очень уверенно.

– Конечно, нет, – фыркнула Нина. – Молодец, что не поверил. Причина другая. На моем роду лежит проклятье. Вот уже много столетий у нас пропадают дети. Обычно удавалось сохранить одного-два, чтобы род не прервался. Но сейчас я осталась одна, и игра идет по-крупному.

– Кто же у тебя пропал?

Река искрилась. Народ смеялся. Тинтин был невыносим.

– У меня было три брата, – гробовым голосом сообщила Нинка. – Их увел человек в черной шляпе.

– Чего, так прям пришел и увел? – хохотнул Тинтин. – Они дураки, что ли?

Нинка молча смотрела на Тинтина. Он еще немного посмеялся, а потом скис.

– Дурак тот, кто думает, что от судьбы можно уйти, – изрекла Нинка.

– А чего не так-то? – не понимал Тинтин. – Он в дверь, а ты закрылся и не выходишь.

– От него нельзя закрыться. Это происходит ночью, когда все спят. Утром встают, а человека уже нет.

Это простое сообщение вызвало у Тинтина бурю радости. Он коротко хохотнул, заваливаясь назад. Но совсем упасть ему не дал корень. Тинтин напоролся на него, поморщился и выпрямился.

– Да ладно! – выдал он.

– Я не предлагаю тебе верить или нет. – Скучно, скучно. Как же Нинке было скучно.

Тинтин поерзал попой по земле, удобней устраиваясь, разрешил:

– Ну ладно, расскажи, как все было.

Нинка снова посмотрела на реку, на блеск ряби, на прыгающие по воде тела.

– Рассказать? Рассказать я могу. Что только потом с тобой будет?

– Нормально будет. – Тинтин вытер грязную ладонь и коленку, оставив грязный след. – Не тяни.

Нинка прикрыла глаза.

– Смотри, – заговорила, словно через силу. – Есть такое поверье, что если кто-то сделал нож и продал его, то нож теперь полностью принадлежит его хозяину. И если такой

нож потом у него украсть, то на вора перейдут все болезни и несчастья хозяина. Раньше так специально делали – брали нож убитого и дарили его врагу. Через месяц враг умирал в мучениях.

– Это ты к чему? – Голос Тинтина подохрип. Боль в спине от встречи с корнем дала о себе знать.

– Так же бывает с рассказами. Пока не знаешь, все хорошо. Но если тебе его рассказывают, он становится твоим, со всем своим проклятьем.

С косой кашлянула и отвернулась к реке. Да, ей лучше идти туда.

Тинтин смотрел, не мигая.

– Справимся. Начинай.

А вот у него ничего с лицом не происходило. Он просто ждал. Храбрый какой!

И Нинка начала.

– Моя семья жила в одном старом доме. Он был старый, все двери и ставни скрипели, а на втором этаже было слышно, что происходило на первом. Они там совсем недолго прожили, когда старший сын рассказал, что слышит по ночам музыку. Словно кто-то стоит под окном и играет. И эта музыка зовет его к себе. Никто ему не поверил. Семья легла спать. Среди ночи проснулся старший сын. Что-то позвало его к окну. Он подошел, посмотрел на пустое поле перед домом. Он был уверен, что там кто-то есть, хоть никого и не видел. Утром семья проснулась, а старшего сына и след про-

СТЫЛ.

Тинтин хихикнул.

– Как же они узнали, что он подходил к окну, если он пропал? Рассказывать-то было некому.

Нинка легко улыбнулась. Как скучно делать паузы в тех местах, где заранее знаешь, что произойдет. Но это всегда действовало безотказно. Можно было немножко понаслаждаться превосходством.

– Вот когда у тебя начнут пропадать родственники, тогда и узнаешь, можно ли рассказать, что было ночью, или нет.

– Когда пропадают родственники, значит, их надо искать на кладбище, – проявил свои знания Тинтин, но все-таки вовремя заметил, что Нинка его не слушает, а, поджав губы, изучает реку, словно выбирает, кого первого сейчас задушит. – Ладно, молчу. Узнали. Там, наверное, следы остались. Прямо под окном. Дальше что было?

– Дальше? – не меняя интонации, продолжила Нинка. – Его долго искали, но не нашли. И вот через какое-то время средний сын стал рассказывать, что слышит музыку. Родители заперли все окна и двери, сели сторожить, но не выдержали и уснули. Уснули и пропустили, как средний сын встал, разбуженный музыкой, и подошел к окну. На поляне никого не было. Утром среднего сына в кровати не нашли. И снова принялись его искать. Но ни следов, ни свидетелей.

– А чего они так босиком и уходили?

– Нет, пропадали их вещи – обувь, штаны с рубашками,

кепки.

– А драгоценности? Может, они еще деньги притыривали? Вы проверяли?

Тинтин издевался, старательно пряча улыбку. Но лицо, плечи, спина – все ходило ходуном, выдавая повышенную радость.

– Меня тогда еще не было, – холодно произнесла Нинка, и Тинтин немного подзавис.

– А откуда же ты?... – начал он и вместо слов пошевелил рукой. Тонкое запястье. Широкая ладонь с узловатыми пальцами. Они были длинными и, наверное, сильными. Еще и выгибались странно. Удивительная рука. Нинка потянула воздух, заставив Тинтина собрать свои конечности.

– Младший сын очень боялся, что тоже исчезнет, поэтому лег спать вместе с папой и мамой. Все крепко уснули. Среди ночи тихая музыка разбудила мальчика. Он открыл глаза и сразу повернул голову к окну. За ним не было видно поля. Там стоял человек с черными глазами и смотрел на мальчика. Когда родители проснулись, сына в кровати не оказалось. Кинулись они искать – а ночью как раз снег выпал – и увидели, что от окна к темному лесу ведут четыре пары следов.

– Это, значит, три брата и неизвестный? – загнул свои чертовы пальцы Тинтин – мизинец, безымянный, средний, указательный. – Четыре пары?

– А дело зимой было, да? – неожиданно встряла с косою. Про нее все уже забыли, а она сидела, слушала. – Ты говори-

ла, у них кепки были. Как же кепки – зимой?

Тинтин посмотрел на свои согнутые пальцы, на оттопыренный большой.

– Во история! – развернул он руку, поднимая большой палец вверх. – Треш.

– А через год у родителей родилась дочка, – Нинка пропустила все вопросы и восторги. Аплодисменты, гонорары и поцелуи – потом. – И перестали они думать о своих сыновьях.

– Ты что, та самая дочка? – Тинтин развернул вспотевшую от стараний ладонь и теперь равнодушно чесал ее.

– Все знают, что у меня были братья, но сейчас они не с нами, – призналась Нинка.

– А они у тебя были? – подалась вперед с косой. Вот кто просил ее лезть? Никто же не звал. Шла бы уже купаться.

– Да! Сначала пропал старший брат, потом средний, потом младший. И тогда родилась я.

С косой недовольно поерзала на полотенце, покосилась на Тинтина. Среди общей тишины особенно стали слышны крики на реке. Было странно, что не холодно и что не ночь. Ведь такие истории обычно слушаешь в сыром подвале или за полночь.

– И кто это их увел? – спросил Тинтин.

– Не важно, кто увел. Важно, что сейчас мы снова живем в том самом доме. И по ночам я слышу музыку.

– Так тебя скоро уведут? – резвился Тинтин. С косой хи-

хикнула.

М-да... компания. Ни сострадания, ни печеньки.

– Нет! Я скоро поймаю того, кто увел моих братьев. Я его видела. Он в черной шляпе с черными глазами. Когда он улыбается, кожа на его щеках трескается. Когда он улыбается, зубы шатаются и клацают и сквозь них виден зеленый язык.

– Какой? – подалась вперед с косой.

– Зеленый. Потому что у него зеленые кишки.

– Ты и кишки видела? – восхитился Тинтин. Он уже представлял себя королем сплетен и новостей. Это же такую бомбу можно зарядить! Весь лагерь ржать будет. Ну ничего, Нинка ему попортит праздник жизни.

– Нет, – легко ответила Нинка. Всегда было приятно общаться с людьми, которыми так легко манипулировать. – Но непременно увижу, потому что выпущу ему кишки и буду спокойно смотреть, как он подыхает.

– Разве такие дохнут? – Тинтин уже не скрывал улыбки. – Они должны растворяться в темноте. Рассыпаться в прах. Гореть при свете дня. Чего там еще? Помнишь, как в фильме...

– Он даже в твоей дурной темной башке не растворится. – Нинка наградила Тинтина тяжелым взглядом. – И не уведет тебя никуда никто.

– Почему?

– Зачем ему ты? Пустота. Голова звенит от сквозняка. Для

этого нужен дар. Проклятье. Тебя проклясть не за что. Пока же этот рассказ останется с тобой, и когда-нибудь ты его вспомнишь.

Тинтин булькнул. Неожиданно так. Всем телом дернулся. Его даже от места оторвало. Подпрыгнул, завалился на бок и стал ржать, перебирая по земле неуклюжими тощими ногами. Нинка машинально посмотрела на с косою. Та робко улыбалась. Ей тоже хотелось смеяться, но было неудобно. А еще немного пугали последствия знания рассказа.

– Ой, зеленые кишки, – бессильно выл Тинтин. Нинка с удовольствием отметила, что он бьется о землю башкой, сбивая свой невозможный кок. – Уводит. Черные глаза. – Он пытался приподняться, но падал обратно. Штаны с футболькой становились все грязнее. – Ну насмешила.

– Чего у вас? – к своему полотенцу шла вся такая сияющая от воды красotka.

– Да у нас тут, – попытался сесть ровно Тинтин, но хлопнул себя по колену и снова повалился на спину. – Прок... крок... кх... ккккк... лятьееее.

Он катался по земле и выл, выражая полное счастье.

– Косточкой подавился, – совершенно спокойно произнесла Нинка. – Вишню ел и подавился.

– Да она тут... – силился продышаться после смеха Тинтин. – Про монстров рассказывает.

– Ага, и картинки показываю. – Нинка поднялась.

– Какие картинки? – запуталась красotka. Она смотрела

то на одного, то на другого, на пустые руки, на пустоту полотенца. Что она пропустила? Что?

– Но ты же?... – расширила глаза с косою и показала на Нинку.

– Ну да, не купаешься, – быстро ответила Нинка. – И правильно.

Отвечать надо было сразу, сбивать, наводить панику и сесть неуверенность. Чем больше оправдываешься, тем хуже становится. Отрицаешь – попадаешь в дурной круг. Достаточно пустить в другую сторону. Это может сбить со следа.

– Чего? – нахмурился Тинтин. Или это был уже не веселый герой французских комиксов? Чубчик его сбился, сходство стерлось.

– Глисты там, в реке. – Нинка видела, что каждое ее слово убивает в с косою всякое понимание действительности. – Правильно, что не купаешься, говорю.

Нинка пошла к реке. Навстречу поднимался их отряд. Все накупались, все были счастливы.

– Да ты вообще чумная! – крикнул ей в спину из первого отряда.

– А с малышами не зазорно общаться? – равнодушно дернула плечом Нинка. – Смотри, засмеют.

Она бы еще что-то сказала – все-таки надо иногда бить на опережение, но тут перед ней опять возник Пося. Нинка мысленно посчитала, сколько раз за сегодня она его видела. Третий. У изолятора, под деревом и вот сейчас – у реки. Три

– магическое число. Уже можно начать напрягаться. Или во всем обвинить узость круга общения. Вот кудрявая ей больше не попадается. А Пося...

Восьмилетка всячески демонстрировал, что встреча эта не случайна – он смотрел. Пристально. Нинка еще немного поубеждала себя, что они тут все постоянно друг друга встречают, но взгляд мелкого говорил об обратном. Она собралась его спросить об этом. Или просто дружески дать пендаля, чтобы случайность уже разрешилась каким-то действием. Но Пося вдруг убежал. Бежал смешно, подпрыгивая, словно ему жгло пятки. Так что Нинка решила все списать на случай и на то, что она очень запоминающаяся личность.

Такая запоминающаяся, что о ней после ужина заговорили все и разом.

К вечеру весь лагерь знал, что среди них находится сумасшедшая. Тинтин расстарался, зарабатывая себе репутацию «своего парня». Видимо, в историю аллергии на солнце никто не верил. Но теперь-то про отравление никто не вспомнит. Потому что он стал источником другой информации. В Нинку тыкали пальцем, кричали в спину прозвища. Все радовались. С косою смотрела с сочувствием. Было плевать. Нинке ничего не стоило запустить этот слух в обратную сторону, чтобы он бумерангом засветил Тинтину в лоб. Но торопиться не стоило. Должно было пройти время. Немного времени. Мечь – это блюдо, которое подают холодным.

На следующий день Нинкой многие интересовались, под-

ходили, просили рассказать историю, чтобы и на них перешла часть проклятья. Нинка шла мимо.

– С чего вы взяли, что это я? – спрашивала она. – Меня зовут Катя. А истории рассказывает Машка из третьего.

– Так сказали, черненькая, – терялись шутники.

– Меня зовут Катя. Вам кто нужен?

Нинка смотрела на них и в сотый раз ощущала восторг, от того, что разговаривает с людьми, с которыми никогда больше не увидится. Можно врать. Об этом тоже никто и никогда.

Шутники убегали. Нинка смотрела им вслед и думала, что лоханувшиеся один раз обычно не возвращаются. И сам Тинтин не появится. Так и было.

И вот когда она уже решила, что прошедшие двое суток – это хороший срок для того, чтобы начать мстить, перед ней вновь нарисовался Пося. В четвертый раз за последние дни. И заговорил.

Это было явное нарушение традиции. Тогда бы уже до седьмого явления дотянул. Или до шестьсот шестьдесят шестого. Нет, заговорил он на четвертый. Как раз перед обедом.

– А ты, правда, можешь убить? – хрипло спросил он. Кулачки сжал, пальцы на ногах втянул, сопелку расправил, взгляд ужесточил.

– Одной левой, – заверила Нинка.

Пося сопел. Можно было, конечно, ему помочь, подогнать вопросами, но это было скучно. Пускай сам справляется.

– Не, проклятьем. – Мелкий был невероятно серьезен.

– Плюну на след, человек замертво падает, – в тон отозвалась Нинка. Пришлось наклониться, чтобы глазами быть с ним на одном уровне.

– Дорого?

Нинка покосилась на его кулачки и на оттопыренные карманы шорт. Он всю мелочь туда запихнул? Или крупными купюрами пробавляется? Начало смены, деньги еще есть. Тратить их здесь не на что.

– Смотря что делать надо.

Нинке хотелось смеяться, но Пося был чересчур серьезным. Этот мог и обидеться. Потом пойдет к кому-то другому смерть заказывать уже на Нинку. Нет, этот спектакль надо было досмотреть до конца.

Пося привстал на цыпочки, дотягиваясь до Нинкиного уха.

– Танька конфеты у пацанов ест, а потом все на меня сваливает. Я ей муравьев в кровать, а она драться. И опять конфеты стащила. Прямо весь пакет. Пацаны ей кровать «заминировали», она свалилась и на меня показала. А я и не был тогда в палате. Теперь требует, чтобы я еще конфет раздобыл. Где же я их здесь возьму? Родители только через неделю приедут.

– Так, может, до родителей дотянуть? – нашла компромисс Нинка. – Дешевле будет.

– Она дерется, выкидывает мои вещи в девчачий туалет и вожатым постоянно на меня жалуется. Они заставляют меня

с подушкой в коридоре стоять.

Глаза Поси завлажнились.

– Зачем с подушкой? – прокололась на вопросе Нинка. Эх, сама любит так строить предложения, чтобы вопросы задавали, а тут на недосказе поймалась.

– Нас Лана так наказывает. Если кто-то разговаривает в тихий час, она его в коридор выгоняет в трусах и заставляет подушку с собой брать. Ее если на вытянутых руках держать, то быстро тяжело становится. Я уже, знаешь, какую мускулатуру накачал?

Пося показал свою руку. Мускулатура особенно не просматривалась. Глаза были убедительнее руки. В них всю поселился трагизм, но все же еще были пути отступления. Всегда можно лечь спать и забыть о печалях.

– Ну а ты ее ударь, – предложила Нинка. Выход был совершенно очевиден.

– Она орет тогда.

Аргумент.

– Так убивать будем, она тоже орать станет.

– А мы ее сразу похороним. Мертвые же не орут. Сама предлагала – убить и похоронить.

Нинка выпрямилась. Пося как-то сразу с нее соскользнул. Кулачки разжал. Не было там никаких денег.

– Давай сразу похороним. Без убийства.

– Так она же вырываться будет, – засомневался Пося.

Здесь было множество вариантов – связать, оглушить, на-

поить снотворным. А можно было и так, без насилия.

– Не будет, – пообещала Нинка. – Когда хочешь?

На круглом лице Поси расцвела радость. Так бывает с одуванчиком. Вот цветок закрыт, плотно сжат зелеными листиками, а через мгновение распахнулся, выпуская желтенькую серединку.

– Давай завтра, – решил Пося.

Нинка посмотрела по сторонам. Сегодняшний день был ничем не хуже завтрашнего. Светило солнце. Скоро обед. Мороженое опять же.

– День жизни – это щедро, – согласилась Нинка. – Прдержишься?

– Я у вожатых шоколадку стащил и Таньке отдал. Она станет есть в тихий час, Лана увидит и убьет ее.

Нинка усмехнулась. Она отлично знала, что если тут и будут кого убивать, то несчастного Посю. Причем самыми извращенными способами. Если уж тебя травят и ты побежал, то вырваться очень тяжело. Теперь главное – не дергаться. Иногда сама судьба все решает за тебя.

Глава 3

Гроб и похоронная музыка

Решать судьба все стала намного раньше, чем этого ожидала Нинка. Обед, мороженое, тихий час. Нинка лежала на своей кровати и смотрела, как по потолку плавают тени, как проскакивают солнечные зайчики, если лежащие около окна неожиданно подставляли под солнечные лучи что-то блестящее – заколку, зеркальце, обложку книжки или тетрадки. С недавних пор вокруг Нинки образовалась километровая зона отчуждения. Больше никто не говорил про поющих Ангел, не обсуждал парней, не говорил о своем прошлом. Нинку записали в сумасшедшую, в чудачку, в чокнутую, от которой еще и заразиться можно. Это было неплохо. Зато никто больше не лез с дружбой.

О том, что сейчас что-то произойдет, сказали тени. Они сдвинулись в сторону двери. И там, за этой дверью, кто-то показался. Хохолок торчал. Сколько дней-то прошло? Два, три? Вот неумный. Тихий час. Сейчас вожатые по шее дадут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.